

Анна Ноздрина

Прозаик, поэт. Родилась в Рязани 15 ноября 1993 года. Большую часть жизнь прожила в Орле. В 2011 году с золотой медалью окончила лицей № 22, далее училась в Орловском государственном университете имени И.С. Тургенева на филологическом факультете, кафедра теории и методики обучения русскому языку и литературе. Занималась научной деятельностью, участвовала в научных выставках, международных конференциях, публиковалась в сборниках. Дипломант конкурса литературных работ «Пушкин и театр» в номинации «Сочинение» (гран-при, 2014 год), дипломант областной межвузовской студенческой олимпиады «Декада науки -2014» в номинации «Литература» (3 место в индивидуальном, 1 место в групповом зачете); победитель международного конкурса выпускных квалификационных работ «Intercllover-2018» (10.07.18, Нижний Новгород). Несколько лет была председателем «Пушкинского научного студенческого общества», участвовала в организации научных выставок от факультета.

С отличием окончила бакалавриат и магистратуру по методическому направлению. С 2015 года преподаёт русский язык и литературу в частном лицее «Магистр». В свободное время занимается игрой на фортепиано и вокалом. Член Союза литераторов с 2020 года.

СТЕКЛЯННАЯ – НЕ ЗЕЛЕНАЯ – МИЛЯ

Его жизнь походила на пиццу: плоская, но широкая, вредная, но вкусная... Он съел всего чуть больше четвертинки. Выковырнул из остальных трех кусков ломтики салями, сочной ветчины и всё сложил на этот небольшой кусочек. Съел так, словно никто его не видел: жадно, роняя крошки, измазываясь в сырном соусе... И неудобно свернулся на диване: разбирать его на полный желудок было, как обычно, лень. Аппетит ещё не угас: он хотел бы продолжить есть с прежним желанием, но... не лезло. На грязной тарелке лежало слегка заветренное, посыпанное оливками тесто, которое он по инерции продолжал пощипывать, катая бежевые шарики и бросая их куда придётся. Тяжёлая голова кружилась, и в квадратах потолка, как в десятках мониторов, бежали черно-белые кадры немого кино о его золотом времени.

Тринадцать лет назад он был самым популярным мальчишкой в школе: на фоне сверстников, носивших сбитые палёные кроссовки и щедрые россыпи прыщей на щеках, он выгодно выделялся «киношной» внешностью подростка из старого американского фильма. Немного франт, немного позёр, немного артист – парень, впрочем, весьма неглупый и разносторонний, что ещё больше усугубляло положение его соперников. Он рано понял силу своего обаяния и подкупал им даже самых сварливых учителей. И не только их: пока долговязые лопухие старшеклассники рыли землю носком ботинка, мечтая провалиться в неё и пытаясь выговорить первые слова любви, он тушил сигареты об стены условностей и ловко пританцовывал твист на осколках девичьих сердец, такой непосредственный, такой неизменно весёлый и притягательный. Ему, очаровательному фантазёру и романтику, прочили большое будущее...

Что может сделать вчерашний подросток, который сидит на поводке, уходящем в широкий родительский карман? Подросток, у которого за душой только амбиции и максимализм?

Он хотел посвятить себя творчеству – ему посветили в глаз, измерили температуру: «Не болен ли?» – и для профилактики водворили на пропахший нафталином технический факультет.

Мечтатель вопил, что он родом из детства, – ему твердили, что он из рода очень богатых и уважаемых людей, а значит, должен продолжать семейные традиции.

Он упрямо топорщил перья, прогуливал лекции, сбегал из дома – его рубанули топором по крыльям, ограничив бюджет. Теперь ничто не мешало носить свитер обывателя.

Он грезил о своей группе, о сцене – ему устраивали сцены, заставляя коснеть в рутине стабильности, заваливая бумажной работой (увы, не оригами) и приобщая к семейному делу. Вскоре он, как надлежало, устроился в компанию отца, а гитара устроилась на антресолях, в компании давно забытых нотных тетрадей с подростковыми песнями.

Шли годы. Льняная вихрастая копна поредела. Стройная мальчишеская фигура превратилась в коренастую мужскую. Легкость, энергичность и непринужденность сменились заторможенной апатией. Плечи опустились, а острый подбородок все реже задирался вверх с когда-то привычным вызовом: «Ну как я вам – а?». Сигарета теперь зажималась указательным и большим, а затяжки стали нервно-короткими. Только улыбался он ещё по-детски обаятельно, и по инерции пускал козырь ямочек в ход как забытый дар юности, убежавшей в «конверсах» куда-то в закат. И всё страннее казалась эта улыбка в сочетании с огромными серыми глазами, в которых застыло отчаяние: «Вдруг там, под оливками, на пицце жизни не осталось ни одного кусочка мяса – только влажная пресная булка?..»

Менялись женщины – вульгарные и утонченные, расчетливые и бескорыстные, недоступные и навязчивые... Менялись приятели... Менялись места кутежей, спасавших тридцатилетнего подростка от рутины, но, как известно, нет тепла от бенгальского огня, а зажечь свет в потухших глаза и прогреть тронутое холодком сердце не могло ничто. Кроме неё.

Она уверенно внесла в его жизнь свою точёную фигуру, звонко шпилькая стеклянными туфлями, – не как гостя, но как задержавшаяся хозяйка. Она стала скафандром, защищавшим бывшего мечтателя от холодного темного отчаяния на его крошечной планетке. Она никогда не говорила, но одним своим присутствием располагала его изливаться в долгих, долгих монологах. Она была единственной женщиной, чьи уверенные прохладные губы каждый раз кружили ему голову, словно в первый. И единственной, к кому он был готов лететь на своих обрубленных крыльях в любое время дня и ночи, в любой конец маленького провинциального города. Как истинная дочь Евы, Она никогда открыто не проявляла своих чувств и заставляла добиваться своей ласки – он же, замороженный равнодушием прозрачных глаз, покорно приносил на Её алтарь деньги, время, здоровье... В ответ она, словно нехотя, как прирожденная кокетка, дарила ему чад забвения. Мир, открывавшийся из-за Её хрупкого крошечного плечика, вновь становился цветным и полным надежд, как в юности. Он любил Её и следовал за ней, в одной руке держа добрую часть недоеденной заветренной пиццы, другой рукой нежно обхватывая Её точёную талию, оставляя позади стеклянную милю пустых гранёных стаканов. Ах да, в твоих глазах всё ещё дрожит вопрос. Что ж, её звали Водкой...

Ты только не бросай в него соленым помидором. Это добрый и талантливый малый, в которого можно и нужно верить, просто в последнее время мало кто говорит ему это искренне, а фальшь он чувствует очень остро – и мучится, мучится, ведь где-то там, под семечковой шелухой, под недоеденными краешками пиццы, спит золотое сердце ещё не обескрыленного мальчика-мечтателя. Если встретишь его – передай, что ещё не поздно свернуть со стеклянной мили на дорогу из желтого кирпича и отрастить новые крылья. Да и почти три четвертинки пиццы, пусть и расковырянной, ещё целы – и на них всё ещё можно положить что-то вкусное.